

ИССЛЕДОВАНИЯ

ЛИТУРГИКА

БОГОСЛУЖЕБНАЯ
ПРОПОВЕДЬ
КАК ОРГАНИЧЕСКАЯ
ЧАСТЬ ЛИТУРГИИ.
ВЗГЛЯД НА БОГОСЛОВИЕ
БОГОСЛУЖЕБНОЙ
ПРОПОВЕДИ

Иерей Александр Волков

издательство Московской Патриархии
«Журнал Московской Патриархии», ответственный секретарь
магистр богословия
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
alvolkov33@yandex.ru

Для цитирования: Волков А., иер. Богослужебная проповедь как органическая часть Литургии // Вопросы богословия. 2023. № 2 (10). С. 13–24. DOI: 10.31802/PWG.2023.10.2.001

Аннотация

УДК 2-475.5

В церковной науке проповеди посвящён отдельный раздел — гомилетика. При важном значении, которое придают богословы проповеди как виду церковного служения, достаточно мало уделяется внимания описанию смысла проповеди, понимаемой в основном как самостоятельная часть пастырского служения. С точки зрения своей особой формы, аудитории, целей и задач богослужебная проповедь проанализирована весьма подробно в статьях Е. Е. Голубинского, Н. И. Барсова и других богословов и историков Русской Церкви. С точки зрения своей органической связи с совершаемым богослужением и вытекающего из этого особенного значения проповедь практически не рассматривается. Проповедь исследована как жанр, говорится о форме проповеди, но не осмысляется феномен звучащей речи на богослужении и её связь с чтением Священного Писания.

Отличительная особенность проповеди как органической части богослужения состоит в том, что она есть единственная спонтанная часть Литургии, не связанная канонами исполнения, в отличие от всех иных богослужебных текстов. Богослужебное место проповеди определяется её значением — раскрытие смысла Священного Писания, через которое богослужебная проповедь приобретает свою особую роль в богослужении — придание Литургии нового смысла в контексте прочитанного и одинаково понятого общиной отрывка Евангелия. В статье сделана попытка осмысления проповеди с богословской точки зрения, с целью выделить нравственный аспект проповеди как неотъемлемой части православного богослужения.

Ключевые слова: проповедь, православное богослужение, Литургия, Священное Писание, пастырское служение, Е. Е. Голубинский, Н. И. Барсов, богослужебные тексты.

The Liturgical Sermon as an Organic Part of the Liturgy. A Look at the Theology of Liturgical Preaching

Priest Alexander Volkov

MA in Theology

The Academy Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad, 141300, Russia

alvolkov33@yandex.ru

For citation: Volkov Alexander, priest. "The Liturgical Sermon as an Organic Part of the Liturgy. A Look at the Theology of Liturgical Preaching". *Theological Questions*, no. 1 (9), 2023, pp. 13–24 (in Russian). DOI: 10.31802/PWG.2023.10.2.001

Abstract. In ecclesiastical scholarship, preaching has a separate section, homiletics. While theologians attach great importance to preaching as a type of church ministry, little attention is given to describing the meaning of preaching, which is mostly understood as an independent part of pastoral ministry. From the point of view of its special form, audience, goals, and tasks, devotional preaching is analyzed in great detail in the articles of E. E. Golubinsky, N. I. Barsov, and other theologians and historians of the Russian Church. From the point of view of its organic connection with the divine service performed and the special meaning arising from it, preaching is not practically considered. The sermon is studied as a genre, the form of the sermon is spoken about, but the phenomenon of sound speech in the divine service and its connection with the reading of Scripture is not comprehended. The distinctive feature of the sermon as an organic part of divine service is that it is the only spontaneous part of the liturgy that is not bound by the canon of performance, in contrast to all other liturgical texts. The liturgical place of the sermon is determined by its meaning — the disclosure of the meaning of Holy Scripture, through which the liturgical sermon acquires its special role in worship - giving new meaning to the liturgy in the context of the Gospel passage read and equally understood by the congregation.

In the article an attempt to understand the sermon from a theological point of view, in order to highlight the moral aspect of preaching as an integral part of Orthodox worship.

Key words: preaching, Orthodox worship, Liturgy, Holy Scripture, pastoral ministry, E. E. Golubinsky, N. I. Barsov, liturgical texts.

Для того, чтобы сделать определённые выводы о значении богослужебной проповеди, необходимо рассмотреть историю её развития. С самого начала бытия Церкви проповедь разделилась на внешнюю, связанную с миссией Церкви в мире, и на внутреннюю, обращённую к общине верующих, закрытую от посторонних.

Евангельское обоснование внутренней проповеди

Богослужебная проповедь, как обращение к узкому кругу учеников, находит своё начало в апостольской общине, к которой Христос обращается с особым словом, отличающимся от внешней проповеди, обращенной к собирающимся слышать Его слово. В Евангелии разница между этими двумя типами обращения Христа очевидна. Он сознательно выделяет тех, кто готов воспринимать и уже принимает Его учение¹. Беседа с учениками обычно происходила «в доме» после того, как Иисус обращался к большим людским собраниям. И это более глубокое погружение апостолов в смысл слов Христа как раз и делает их учениками по отношению к прочим людям, слышавшим слово Иисуса. Они становятся ближайшими учениками именно потому, что получают более сложную интерпретацию того послания, которое было доступно всем. Таким образом, первые ученики посредством особой формы проповеди начинают объединяться в словесную общину, в которой затем продолжит исполняться внутренний принцип осмысления. Пространство первой общины — школы будет расширяться учениками, которые, восприняв «слухом», затем начнут проповедовать «на кровлях». Первая община апостолов нуждалась в первоначальной подготовке, в общении за закрытыми дверями. И в дальнейшем апостолам было необходимо первоначальное внутреннее научение, проповедь, чтобы нести людям слово Христово². (Мф. 19, 27–29).

Связь богослужебной проповеди со Священным Писанием

Соединение чтения Писания и его истолкования в ранней Церкви, перенявшей в этой части традицию синагогального, а не храмового богослужения, определяется как синаксис, то есть словесная служба,

1 Мф. 13, 34; Ин. 16, 25–30.

2 *Гриликес Л., прот.* Дом Иисуса. М., 2022. С. 115–118.

не предусматривающая жертвоприношения. При этом важно отметить, что иудейское храмовое богослужение, связанное с жертвоприношением, не включало в себя проповедь или какое-то отдельное словесное действие.

Соединение словесной и таинственной составляющих богослужения становится отличительной особенностью именно христианского богослужения, в котором впоследствии появляется Литургия Слова и следующая за ней Литургия Бескровной Жертвы. Проповедь становится неотъемлемой частью первохристианского богослужения, которое состояло из чтения Священного Писания, его толкования, приношения даров, молитвы над ними и последующего причащения. Проповедь была изначально органической частью богослужения. Это означает, что звучащее слово становилось одним из источников формирования общины. «Апология» Иустина Философа, когда описывает христианское богослужение, включает в него наставление от предстоятеля после прочтения отрывка Писания: «Потом, когда чтец перестанет, предстоятель посредством слова делает наставление и увещание подражать тем прекрасным вещам. Затем все вообще встаем и воссылаем молитвы»³.

Звучащее слово представляет по своей форме свободное высказывание, не предполагающее следование тексту в отличие от самого богослужебного чина. При том, что изначальные молитвы могли быть достаточно спонтанными: «пророкам же предоставляйте благодарить сколько они хотят»⁴, последующее сложение общего литургического чина сохранило проповедь в её изначальном виде. Таким образом, в богослужении сочетается произнесение установленных молитвословий со свободно звучащим словом.

Место проповеди в богослужении находилось всегда в связи с чтением Священного Писания, содержание которого, в отличие от всего остального чина литургии, практически неизменного в своей форме, всегда было и остаётся изменяемым на каждом богослужении.

Эта органическая взаимосвязь текста и его объяснения даёт важное понимание того значения, которое можно усмотреть в богослужебной проповеди — наполнение богослужения тем новым смыслом, который содержится в положенном для чтения отрывке Писания. Неизменное в Литургии соединяется с изменяемым, подвижное оказывается

3 *Иустин Философ, мч. Апология* // Памятники древней христианской письменности в русском переводе. Т. III. Сочинения древних христианских апологетов / Пер. *Преображенский П., прот.* М., 1862. С. 108.

4 *Дидахэ. Учение 12-ти апостолов* / Антология. Раннехристианские Отцы Церкви. Брюссель, 1978. С. 22.

внутри неподвижного и тем самым это неподвижное получает каждый раз новое осмысление. Евхаристия видится общине через призму тех смыслов, которые возникают в Писании и раскрываются в проповеди.

При этом форма проповеди изначально была сознательно простой, она не подразумевала у произносящих её навыков красноречия, знания законов античной риторики. Раннехристианские авторы, напротив, говорили о том, что богослужебная проповедь должна быть простым и понятным словом⁵.

Проповедь необходимо определить как часть богослужения, служащую раскрытию смысла Писания, и в этом смысле важно сделать акцент на внутреннем нравственном состоянии произносящего проповедь. Состояние это должно иметь своё основание в том даре Духа, который получает проповедник от Церкви, что напрямую связывает богослужебную проповедь с темой предстоятеля, возглавителя собрания верных. Эта мысль заложена в том числе и в молитвах на священнической хиротонии, где содержатся слова о необходимости рукополагаемому «провозглашать Евангелие спасения, священнодействовать словом Твоей Истины»⁶. Упоминание проповеди в момент рукоположения делает её особенным даром Церкви наравне с другими упоминающимися в молитве дарами предстояния, священнодействия и крещения.

Из раннехристианской проповеди — научения смыслу Священного Писания — впоследствии вырастет православная экзегетика, но и у ранних авторов присутствует убежденность в том, что «толкование Писания не есть дело только интеллектуальных усилий человека, а представляет собою в первую очередь дар Божий человеку»⁷. Исключительная важность толкования Писания через его духовное осознание рождает мысль о Евангелии как о «Плоти Христа», которая встречается впервые у Игнатия Богоносца⁸. Возможность правильного, богодухновенного понимания Писания, следовательно, становится даром благодати, «даром понимания», по словам Иустина Философа, который даруется Богом человеку⁹. Первоначальное место проповеди на богослужении и её

5 Барсов Н. И. История первобытной христианской проповеди (до IV века). СПб., 1885.

6 Арранц М. Избранные сочинения по Литургике. Рим — Москва, 2003. Т. I. С. 494.

7 Сидоров А. И. Основные тенденции развития и характерные черты древнехристианской и ранневизантийской экзегезы (II — начало VIII в.) / в сб. Раннехристианская и византийская экзегетика. М., 2008. С. 21.

8 Писания мужей апостольских. [Сборник / Предисл., пер. с древнегреч., латин. и примеч. протоиер. П. Преображенского]. Перепеч. с изд. 1895 г. М., 2003. С. 298.

9 Сидоров А. И. Основные тенденции развития и характерные черты древнехристианской и ранневизантийской экзегезы (II — начало VIII в.). С. 21.

роль оказываются важными, выходящими за рамки лишь формального объяснения прочитанного священного текста, который изначально являлся значительной величиной для христианской общины.

Состояние богослужебной проповеди в связи с внешними условиями жизни Церкви

Простая по своей внешней форме проповедь в апостольский век воздействовала на христианскую общину, которая, в том числе благодаря богослужебной проповеди, заметно отличалась от всего окружавшего христиан языческого мира. Но постепенно наступает новое время, в которое начинают проявляться ереси и расколы, что приводит к необходимости усиления апологетической проповеди и рождению более сложной проповеднической формы. Начинает выстраиваться связь с классической ораторской техникой произнесения публичных речей, от которой первохристианская община сознательно уклонялась. Изменению внешней формы проповеди способствовал и приход в Церковь большого числа образованных людей. Русский богослов XIX века Николай Барсов писал: «Образовавшийся к этому времени (IV в. — А. В.) обычай записывать лучшие проповеди должен был побудить проповедников озабочиваться их художественной формой и вообще их обработкой»¹⁰.

В последующее время место проповеди и её роль в богослужении Восточной церкви укрепились. Внешняя форма окончательно стала определяться светскими риторическими правилами, появилось много известных проповедников. К IV веку проповедь выходит из своей органической роли части общего богослужения и становится отдельной формой связи проповедника (пресвитера или епископа) с народом. Проповедники в византийский период специально назначались епископом и посещали храмы для произнесения проповеди. Ослабление связи проповеди с богослужением было обусловлено и переменой в церковном устройстве в связи с исчезновением регулярного института катехуменов.

На протяжении всего последующего периода византийской истории проповедь продолжала развиваться по своим внутренним законам, частично сохраняя внешнюю связь с богослужением.

Ряд указаний на место и богослужебный характер проповеди мы находим в правилах соборов. Лаодикийский собор 360 года предвзывает 19 правилом описанием епископской беседы перед молитвой об оглашенных:

10 Барсов Н. И. История первобытной христианской проповеди (до IV века). С. 191.

«Подобает, во первых, по беседах епископских, особо творити молитву об оглашенных...» Чуть более чем через 300 лет, в 691 году, Шестой Вселенский собор определяет более конкретное установление, касающееся формы проповеди. Предстоятелю церкви предписывается каждый день, а в особенности по воскресным дням, поучать народ, в основном сосредотачиваясь на толковании Священного Писания с опорой на уже имеющийся набор святоотеческих толкований¹¹. Из этого указания можно заключить, что проповедь по-прежнему находится на своём изначальном месте и продолжает быть связанной с толкованием текста Священного Писания.

Качество византийской проповеди после VII Вселенского собора, когда завершились основные споры с еретиками, стало заметно угасать. Проповедь становится всё более отвлеченной от текущего момента, богословствование в ней оказывается самоцелью, не имеющей ценности для слушателя. После «золотого века» и вплоть до комниновского ренессанса проповедь теряет своё изначальное предназначение. В таком виде в основном она перенимается Русской Церковью с принятием христианства.

Переосмысление роли богослужебной проповеди в новейшей истории Русской Церкви

Заметные изменения в отношении к богослужебной проповеди начинают происходить в Русской Церкви с середины XIX века. Об общем кризисном состоянии проповедничества в XIX веке писали многие церковные деятели того времени. Историк Церкви Е. Е. Голубинский в своей записке о реформах в Русской Церкви даёт неутешительную оценку общего состояния проповеди в начале XX века: «С течением времени, по мере распространения между настоятелями церковей невежества и нерадения, проповедь начала становиться все реже и реже и, наконец, смолкла»¹². Судя по описанию Голубинского, к началу XX века проповедь уже

11 «Предстоятели церковей должны во вся дни, наипаче же во дни воскресные, поучати весь клир и народ словесам благочестия, избирая из Божественнаго Писания разумения и разсуждения истины, и не преступая положенных уже пределов и предания богоносных отец; и аще будет изследуемо слово Писания, то не инако да изъясняют оное, разве как изложили светила и учителя церковей в своих писаниях». Правило 19 Шестого Вселенского Собора / Правила Православной Церкви. С толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. Т. 1. М., 2001. С. 490.

12 *Голубинский Е. Е.* Благие желания относительно Русской Церкви / в сб. статей Е. Е. Голубинского «О реформе в быте Русской Церкви». М., 1913. С. 15.

не произносилась регулярно на воскресных и праздничных богослужениях. Многочисленные свидетельства архипастырей конца XIX и начала XX века подтверждают как низкий уровень проповедничества того времени, так и общее понимание необходимости срочного изменения ситуации в деле организации проповеди¹³. Неслучайно на Поместном соборе 1917–1918 гг. тема устройства проповеди стала одной из ключевых. Многочисленные представители епископата в один голос говорили о необходимости обратить внимание «на место и роль проповеди в пастырском служении»¹⁴. Итогом обсуждений стало принятие отдельного документа — «Определения о церковном проповедничестве», в котором было дано множество важных указаний и рекомендаций относительно проповеди: обязательство произносить проповеди на воскресных и праздничных богослужениях, употребление местных языков для «достижения общепонятности проповеди», устройство Благовестнических Братств для «оживления и планомерного развития церковного проповедничества», повышение уровня семинарского образования в отношении гомилетики¹⁵. Несмотря на важность документа, его реальная имплементация в церковную жизнь не произошла по понятным обстоятельствам времени. Однако, нельзя не отметить тот факт, что необходимость в живом звучащем слове проповедника была совершенно очевидна в начале XX века. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что на соборе не стали предметом обсуждения такие важнейшие для понимания смысла проповеди темы, как взаимосвязь проповедника и собрания, а также богослужбное место проповеди¹⁶.

Проповедь как необходимая часть богослужения осознавалась многими членами Церкви в первые десятилетия XX века. Так, к примеру, священномученик Кирилл (Смирнов) совершал в московских храмах вечерние богослужения по воскресным дням, которые включали в себя всенародное пение и обязательную проповедь. При этом после таких служб в храме народ пел отрывки из апостольских посланий. После пропевания всеми собравшимися отрывков из посланий произносилась проповедь одним из священников, затем митрополит

13 См. Крошкина Л. Определение Поместного Собора 1917–1918 годов «О церковном проповедничестве»: исторический контекст и актуальные задачи// Альманах СФИ «Свет Христов просвещает всех». 2017. Вып. 23. С. 91–100.

14 Там же.

15 Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о церковном проповедничестве 1 декабря 1917 г. // Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви. Репр. воспр. изд. 1918. Вып. 2. М., 1994.

16 Там же. С. 97.

Кирилл дополнял сказанное проповедниками, суммируя самое важное в прочтенном нараспев всем храмом отрывке. Такого рода богослужбно-проповеднические формы организации церковной жизни в Москве встречали горячую поддержку среди верующих, ряд московских храмов и монастырей практиковал их регулярно¹⁷.

В начальный советский период проповедь являлась важной составляющей богослужения. Такое отношение к проповеди можно видеть на примере общины праведного Алексия Мечёва, который, по свидетельству его духовных чад, регулярно проповедовал во время богослужений. Стиль его проповедей был простым: «Проповеди батюшки были просты, искренни, трогали сердце глубиной веры, правдивостью, пониманием жизни». Праведный Алексий, по воспоминаниям его духовных чад, уделял особое место проповеди во время богослужения, хотя проповедь произносил не всегда сам¹⁸.

В других храмах вплоть до середины 30-х годов проповедь произносилась и на литургии, и во время вечерних богослужений: «Иногда это была импровизация на прочитанный текст, приуроченная к теме дня или выказанным нуждам слушателей»¹⁹. Проповедь в этот период не только не запрещалась, но и не контролировалась церковными властями, как было в прежнее время. По воспоминаниям очевидцев, «проповедь в то время стала подлинно творческой». Также до середины 30-х годов продолжалась практика воскресных бесед после богослужений, на которые собиралось большое количество прихожан²⁰. Качество проповеди было высоким. По описаниям А. Ч. Козаржевского, в 20–30-е годы в храмах Москвы «проповеди носили сугубо духовный характер: никаких экскурсов в науку и политику. Не было злоупотребления апокрифическими преданиями»²¹.

С середины 30-х годов ситуация серьёзно меняется. Проповедь была почти полностью запрещена. Тексты проповедей должны были согласовываться с властями, произноситься по написанному тексту, часто на богослужении присутствовал представитель власти, следивший, помимо прочего, и за точностью воспроизведения утверждённого

17 См.: *Четверухин С. И.* Толмачи: Воспоминания об отце. М., 1992.

18 «Пастырь добрый»: Жизнь и труды московского старца протоиерея А. Мечёва: [Сборник / Сост. С. Фомин; Вступ. ст. С. Дурылина]. М., 1997.

19 *Четверухин С. И.* Толмачи: Воспоминания об отце. С. 11.

20 См. *Левитин А. Э.* (Краснов-Левитин). Лихие годы / в кн. *Русская Церковь. Век XX. Т. 2. 1917–1939.* Кн. 1. М., 2021. С. 274–276.

21 *Козаржевский А. Ч.* Церковно-приходская жизнь Москвы 1920–1930-х годов / в кн. *Русская Церковь. Век XX. Т. 2. 1917–1939.* Кн. 1. М., 2021. С. 381.

заранее текста проповеди. После войны проповедь получает большую свободу, но не становится регулярной частью богослужения. Во второй половине XX века появляются отдельные священнослужители, уделяющие особое внимание проповеди в качестве важной части своего служения. Вокруг таких священников создаются многочисленные общины, люди, как и в первые века христианства, специально приходят на богослужения, чтобы послушать проповедь²².

Проповедь в позднесоветский период возрождается как самостоятельный жанр и несёт в себе в первую очередь не богослужебную, а миссионерскую заданность. Именно такое развитие проповеди происходит в 90-е годы XX века в связи с открывшимися возможностями свободного издания церковной литературы и доступа Церкви к СМИ. Проповедь развивается как самостоятельная форма, по большей части в отрыве от богослужения, и начинает бытовать в церковной среде самостоятельно, имея только лишь внешнее отношение к богослужению, а часто и вовсе отрываясь от него. Проповедь появляется во внебогослужебных форматах — в теле- и радиопередачах, социальных сетях.

Богослужебная проповедь в современной жизни Русской Церкви всё больше приобретает положенное ей значение органической части литургии. Во многих храмах проповедь произносится традиционно после чтения Евангелия. Впрочем, достаточно распространена практика произнесения проповеди на запричастном стихе или после окончания богослужения, сложившаяся в последние десятилетия.

Однако, если рассматривать проповедь в отрыве от богослужения и Евхаристии, видеть её назначение, в первую очередь, в воодушевлении молящихся, то вполне закономерным будет определить ей то место, которое проповедь занимает обыкновенно и в наше время — по окончании богослужения. В таком случае оказывается, что проповедь перекрывает собой первостепенное значение молитвы Евхаристии и причащения Тела и Крови Христовых. В этом смысле место проповеди в середине богослужения, а не по его окончании, ставит проповедника — предстоятеля евхаристического собрания — на необходимое служебное место по отношению ко всему содержанию Евхаристии.

При внимательном отношении к проповеди как к важной составляющей богослужения, она становится условием собирания общины в богослужении и источником формирования смысла совершаемого богослужения. Благодаря наличию проповеди христианское богослужение

22 См.: Я помню рассказы отца: [воспоминания о протоиерее Николае Адриановском] // Православная газета. Екатеринбург, 2012. № 17 (674). С. 23.

становится осмысленной службой, в которой важно не только мистическое, таинственное содержание, но и понимание членами общины совершаемого, осмысление через слово значения данного евхаристического собрания исходя из услышанного отрывка Евангелия. Поскольку проповедь в богослужении оказывается неразрывно связана с чтением Писания, то необходимо отметить и то значение, которое имеет богослужбное соединение слышимого молящимися Писания и его одинакового понимания, усвоения каждым из членов общины, исходя не из личных представлений, настроения или знаний экзегезы. Проповедь в этом смысле задаёт общий тон богослужения таким образом, чтобы у всех молящихся были единые мысли и чувства в связи с услышанным отрывком Писания. Именно эта изначальная заданность определила проповедь как исключительную богослужбную составляющую общей молитвы. Слова, произносимые священником перед чтением Писания от лица всей общины («открой очи ума нашего для уразумения евангельской Твоей проповеди») определяют важнейшее условие восприятия Писания — его осознание, которое невозможно без слова. Проповедник именно в этом смысле получает особые благодатные дары Духа во время проповеди, которая оказывается не отдельно существующей формой церковной словесности, но частью общей молитвы христианской общины. Проповедь, по выражению профессора В. Ф. Певницкого, «есть священнодействие благовествования»²³. И в этом смысле проповедь должна осмысляться как органическая часть богослужения, требующая от ее совершителя не только интеллектуальной, но в первую очередь духовной молитвенной подготовки наравне с той, которую священнослужитель совершает перед служением Божественной Евхаристии.

Проповедь, как часть общей молитвы, нацелена на соединение литургии Слова с последующей Евхаристией. И в этом её сакральное литургическое предназначение, которое можно обозначить как одну из частей общего литургического действия. Проповедь дает слушающим общее понимание прочитанного отрывка из Священного Писания, что служит необходимой подготовкой к дальнейшей евхаристической молитве.

23 Церковное красноречие и его основные законы / [Соч.] Проф. Киев. дух. акад. В. Ф. Певницкого. Киев, 1906. С. 185.

Источники

- Дидахэ. Учение 12-ти апостолов / Антология. Раннехристианские Отцы Церкви. Брюссель, 1978. С. 16–27.
- Правила Православной Церкви. С толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. Т. 1. М.: Отчий дом, 2001.
- Преображенский П., прот.* Памятники древней христианской письменности в русском переводе. Т. III. Сочинения древних христианских апологетов. М., 1862.
- Писания мужей апостольских. [Сборник / Предисл., пер. с древнегреч., латин. и примеч. протоиер. П. Преображенского; Сост., общ. ред., введ., пер. с древнегреч. и латин., предисл., коммент., библиогр. и указ. А. Г. Дунаева]. Перепеч. с изд. 1895 г. с доп. М.: РПЦ, 2003.

Литература

- Арранц М.* Избранные сочинения по Литургике. Рим–Москва, 2003. Т. I.
- Барсов Н. И.* История первобытной христианской проповеди (до IV века). СПб.: тип. С. Дობродева, 1885.
- Голубинский Е. Е.* Благие желания относительно Русской Церкви/ в сб. статей Е. Е. Голубинского «О реформе в быте Русской Церкви». М., 1913.
- Грилихес Л., прот.* Дом Иисуса. М.: Никея, 2022.
- Козаржевский А. Ч.* Церковно-приходская жизнь Москвы 1920–1930-х годов/ в кн. Русская Церковь. Век XX. Т. 2. 1917–1939. Кн. 1. М.: ПСТГУ, 2021.
- Крошкина Л.* Определение Поместного Собора 1917–1918 годов «О церковном проповедничестве»: исторический контекст и актуальные задачи// Альманах СФИ «Свет Христов просвещает всех». 2017. Вып. 23.
- Левитин А. Э.* (Краснов-Левитин). Лихие годы/ в кн. Русская Церковь. Век XX. Т. 2. 1917–1939. Кн. 1. М.: ПСТГУ, 2021.
- Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о церковном проповедничестве 1 декабря 1917 г. // Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви. Репр. воспр. изд. 1918. Вып. 2. М.: Синод. тип., 1994.
- «Пастырь добрый»: Жизнь и труды московского старца протоиерея А. Мечёва: [Сборник / Сост. С. Фомин; Вступ. ст. С. Дурьлина]. М.: Паломник, 1997.
- Сидоров А. И.* Основные тенденции развития и характерные черты древнехристианской и ранневизантийской экзегезы (II — начало VIII в.) / в сб. Раннехристианская и византийская экзегетика. М.: ИМЛИ РАН, 2008.
- Церковное красноречие и его основные законы / [Соч.] Проф. Киев. дух. акад. В. Ф. Певницкого. Киев: И. И. Горбунов, 1906. С. 185.
- Четверухин С. И.* [Воспоминания] // Четверухин Серафим И. Толмачи: Воспоминания об отце / доп. и ред. Сергея Четверухина. М.: Музей Библии, 1992.
- Я помню рассказы отца: [воспоминания о протоиерее Николае Адриановском] // Православная газета. Екатеринбург, 2012. № 17 (674).